

Модерн – это не Запад

Стратегия России в постзападном миропорядке:
преимущества «отсталости», право на отделение
и выбор

Леонид Фишман, Виктор Мартьянов

Л.Г. Фишман – доктор политических наук, профессор РАН, научный сотрудник Института государства и права РАН.

В.С. Мартьянов – доктор политических наук, доцент, директор Института философии и права Уральского отделения РАН.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и её применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-203-220

Европейский нарратив Просвещения и Модерна как способ самоописания и самолегитимации Запада в качестве образца для всего человечества отталкивался от впечатляющей картины взлёта капитализма. Дух капитализма окончательно оформился в эпоху великих географических открытий, которые создали асимметричную, прибыльную и контролируруемую европейцами мировую систему обмена ресурсами. «Появление в недрах экономики Средних веков особого сектора экономики, доходность капитала которого достигала сотен и даже тысяч процентов годовых, выступило в качестве своеобразного Вызова для человечества. Торговля сахаром, табаком, кофе, какао, чаем, рабами, каучуком, наркотиками (опиумом), пряностями, территориальные сделки с туземными племенами, возникновение биржевых механизмов спекуляции, каперство и т.п. позволили

поддерживать в период 1500–1750-х гг. трёх- и четырёхзначную норму прибыли...»¹.

Экспансия, порабощение, колонизация и эксплуатация представлялись в романтическом и прогрессивном ключе как приобщение дикарей к цивилизации, распространение прогресса и даров высокой культуры. В частности, американский фронтир представлял как расширение цивилизации на ничейные и дикие земли, как «места свершения подвигов национальных героев» и пространства свободы. Однако постоянно отодвигаемый фронтир, сопряжённый с принципом «очищаемой территории», стал одним из столпов американской завоевательной политики в отношении других государств...»². В подобном контексте туземцы являлись лишь частью природы и ландшафта нетронутых ранее завоевателями, колонизаторами и прогрессорами земель, соответственно, за дикарями признавалось «лишь весьма ограниченное право на занимаемую ими территорию. В крайних случаях и здесь высшая культура имеет высшее право»³. Первоначально оппозиция варварства и цивилизации была статичной и пространственной, объясняя *непреодолимые* различия разных обществ. Модерн принёс идею истории, которая стала осмысляться как динамический процесс прогресса или цивилизовывания человечества, как одновременный переход разных обществ от варварства к цивилизации. Всеобщая возможность прогресса, развития и цивилизации использовалась для оправдания прогрессорства как исторической миссии белого человека.

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ ЗАПАДА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Таким образом, социальные науки сформировались прежде всего как мысль метрополий и колонизаторов, связанная с экспансией, ограблением и эксплуатацией остального мира. Но она была завуалирована рассуждениями о благородной цивилизующей

¹ Балацкий Е.В. Поликаузальная концепция социальной эволюции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. No. 6. С. С. 60.

² Спиридонова В. Контуры многоцивилизационного мира // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. No. 2. С. 17–18.

³ Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб.: Типография А.А. Гольдберга, 1906. С. 192.

миссии белого, то есть западного человека. Науки, изучающие современное (современное) общество, изначально имели мировоззренческо-методологический перекося: посредством «истории и трёх номотетических дисциплин – экономики, социологии и политической науки» западный мир в первую очередь «изучал себя, объяснял собственное функционирование и лучше контролировал происходящее»⁴. Для незападного же мира придумали ориенталистику, занимавшуюся относительно самостоятельными западными цивилизациями, и антропологию, изучавшую западные колонии. Их целью стало оправдание экспансии Запада через утверждение о его моральном и техническом превосходстве⁵.

В чём состояла родовая травма социальных наук? Они были придуманы для объяснения закономерностей принципиально новой социальной структуры, ценностей и способов воспроизводства порядков/иерархий современного общества в ситуации временного превосходства Запада над всем остальным миром, когда Запад и Модерн являлись синонимами.

Западное обществознание появилось и развивалось как политический нарратив Модерна с присущим ему европоцентризмом и стремлением трактовать реальность через ряд бинарных понятийных оппозиций. В них всегда присутствовал условно сильный и слабый член. Первый олицетворял магистральное направление истории, второй – то, что первым отвергалось, подавлялось, в лучшем случае подчинялось с целью перевоспитания. Прогрессорская мысль критикует отклоняющиеся от западного канона общества в рамках схемы норма/патология. При подобном оперировании дихотомиями «значительная часть бинарных оппозиций логически неполноценна, поскольку основана на выборе между наличием и отсутствием какого-либо признака А, не уточняя, какой признак наличествует при отсутствии А (дихотомии “демократический/недемократический”, “формальный/неформальный”, “прямой/косвенный”, “централизованный/децентрализованный”, “центр/периферия” и пр.). Язык политической науки тяготеет к тому, что бинарными являются не только суждения, но и сами исходные

⁴ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 309.

⁵ Там же. С. 310.

категории»⁶. В подобной перспективе мейнстрим утрирует отличия конкретных обществ, чтобы обосновать моральное, политическое, технологическое и иные виды превосходства одних обществ над другими. Критерии, избираемые для выстраивания бинарных оппозиций, либо идеологически ангажированы, либо субъективны (мнение экспертов), либо откровенно второстепенны, например, связаны с эффектами исторической неодновременности развития человечества, когда отдельные общества технологически опережают другие. Через призму морализаторских оппозиций незападные народы рассматривались как отсталые, неисторические, хотя и не совсем безнадежные. Их можно было подчинить грубой или мягкой силой и цивилизовать. Эксплуатация и жестокость по отношению к ним выглядели оправданными, если вели к этой цели. Однако даже если цивилизаторская цель была бы достигнута, воспитанные Западом элиты этих народов никогда не будут равны элитам метрополий.

Превосходство Запада не могло длиться вечно. Любые технологические преимущества конкретно-исторических обществ со временем становятся общедоступными. Незападный мир на протяжении нескольких поколений освоил передовые изобретения и социальные технологии, которые Европа создавала и апробировала в течение столетий. Можно наблюдать устойчивый процесс становления и укрепления независимых от Запада экономических, политических и культурных центров влияния, где утверждение Западом своих ценностей как общечеловеческих, а тем более попытки использовать их как предлог для давления или вмешательства во внутренние дела других, сталкиваются с растущим сопротивлением⁷. В результате модели самоописания Запада всё меньше подходят самим западным обществам, демонстрируя противоречия, конфликты, растущее социальное напряжение и методологическую ограниченность исходных рыночно-демократических постулатов. Освобождённые колонии тем более не вписываются в солидарные с Западом представления: «Доминируя, социология метрополии не предполагала никакой теории колониальных или постколониальных обществ, хотя

⁶ Старцев Я.Ю. 60 тезисов о языке политической науки // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. No. 3. С. 72–73.

⁷ Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. No. 4. С. 19–33.

подавляющее большинство стран мира было колониями... Налицо достойная сожаления тенденция изучать колониальные и постколониальные общества через призму лишь теории и концептов, основанных на опыте метрополий, – теория модернизации, веберовские патримониализм и бюрократия, построенные по модели индустриальной Великобритании марксистские теории»⁸. Соответственно, понятия, теории и концепции социальных наук, адресованные Западом не-Западу как универсальные, неизменно демонстрировали ограниченность и идеологическую ангажированность. Искривление и нерелевантность западных социальных теорий в реалиях остального мира подтверждено многочисленными междисциплинарными постколониальными исследованиями, вдохновлёнными Францем Фаноном, Эдвардом Саидом, Хоми Бабой и другими.

Утопическое обещание Запада остальному миру в виде универсального проекта Модерна как всеобщего освобождения, модернизации и равенства на мифических конкурентных и свободных рынках, где капитал и ресурсы почему-то утекают исключительно из стран Юга в страны Севера, давно развенчано. Критика противоречивости воплощения и двойных стандартов оценки Модерна в обществах не-Запада стала общим местом социальной теории, демонстрируя сочетание «роста автономии европейских элит с господством над природой и большинством европейского населения, а также колониальным господством»⁹. Более того, стратегии Запада в условиях распада колониальной системы всё чаще сводятся к прямому сдерживанию растущих центров силы, приостановке их современного развития: «Достижение демократии в Западной Европе и других странах связано с множеством причин: усилением могущества рабочего класса по сравнению с другими, встроенным в национальную систему капитализмом, развитием покупательной способности рабочих людей, расширением и интеграцией внутренних рынков, политикой, направленной на увеличение внутренних инвестиций, более справедливым распределением доходов, возобновлением государством социальных и регулирующих функций...

⁸ Го Д., Романовский Н.В. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория // Социологические исследования. 2024. No. 1. С. 21.

⁹ Вагнер П. От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе // Антиномии. 2022. Т. 22. No. 2. С. 78.

Но вовсе не этому способствуют как бы “демократические” инициативы западных правительств, а также неправительственных и международных организаций в странах “третьего мира”¹⁰. В ещё большей степени это относится к откровенно недемократическим инициативам, когда Запад открыто поддерживал сепаратистов, людовские режимы и сукиных сынов, действующих в американских интересах против других центров силы, террористические организации в Афганистане, Никарагуа, Сирии, Ливии, Югославии и т.д.

Контролируемый Западом мейнстрим социальных наук, как правило, основан на аксиоматическом утверждении, что претендует только на объективно обоснованное (математически и эмпирически) универсальное знание об истине. На деле в ядре социальных наук имплицитно присутствуют релятивные ценностные суждения по поводу должного социально-политического порядка. Господствующий нарратив социальных наук неизменно тавтологичен, представляя апологию социально-политического порядка. Иерархии власти, социального знания и регулятивных ценностных систем (идеология, традиции, религия, семья и т.д.) неизменно взаимосвязаны. Поскольку любые альтернативы мейнстриму ставят вопрос и об аксиомах социального знания, являющийся «одновременно вопросом о легитимности политического порядка, который они призывают/призваны обеспечить»¹¹.

Таким образом, социальные науки Запада предлагают остальному миру некритично заимствовать категориальный аппарат в виде самоописания метрополий – западных обществ в моменте их высшего подъёма. В подобном контексте вскрывается манипуляция, когда обобщённый Запад присваивает себе роль прогрессора или привилегированного оценщика для других обществ, считая себя нормативным воплощением (материализацией) понятий демократии, рынка, свободы, справедливости и т.д.¹² Однако сравнительный анализ современных обществ без труда выявит, что достойное и недостойное правление, демократия и автократия, рыночная кон-

¹⁰ Гальперин С. Модерн и встраивание процессов экономического роста в национальные системы // Антиномии. 2022. Т. 22. No. 3. С. 114.

¹¹ Мартьянов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. С. 235.

¹² Новые демократии и/или новые автократии? (Материалы круглого стола) // Полис. Политические исследования. 2004. No. 1. С. 175–177.

курения и плановая экономика, индивидуализм и коллективизм, отсталость и развитие и т.д. существуют в подобном раздельном, идеально-типическом виде преимущественно в системе воображаемых и самоутверждаемых координат конкретного идеолога/оценщика/эксперта¹³. Сложные современные общества всей своей противоречивой онтологией будут являть любые сочетания и оттенки серого между данными полюсами.

Таким образом, риторика социальных наук, выстроенная на архетипической оппозиции прогресса/архаики, привилегированного/ущербного, не даёт убедительных оснований для универсальных классификаций современного общества во всей сложности и динамике его противоречий. Бинарность мейнстрима отвлекает от изучения более сложных и важных сходств, вариаций и закономерностей функционирования социально-политических порядков современных обществ. Обществ, где реальные механизмы, институты и практики взаимодействия политических субъектов (лидеров, элит, групп, корпораций, классов), принятия политических решений и функционирования социальных правил чаще всего не дают серьёзных оснований разнести эти общества по принципиально различным клеточкам политологических классификаций, основанных на приведённых выше схемах¹⁴. Например, подавляющая часть современных обществ считает себя демократиями. Однако центр-периферийная структура миросистемы программирует неизбежные попытки закрепления иерархической дифференциации демократий с негативными прилагательными (нелиберальных, авторитарных, гибридных, частичных, фасадных, ограниченных и т.п.), в результате выхолащивается само понятие. Демократия превращается в пустое означающее, либо не применимое ни к одному реальному обществу, либо применяемое по специфическим критериям лишь к малой совокупности избранных обществ центра мироэкономики в виде либеральных демократий¹⁵.

¹³ Иванов В.Г. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: ИНФРА-М, 2015. 188 с.

¹⁴ Мартянов В.С. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. 2021. No. 4. С. 112–131.

¹⁵ Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. No 3. P. 430–451.

Более того, идеально-типические либеральные демократии не только не работают в реалиях самого Запада (конкуренция наблюдается лишь в наследственных элитах, а остальное население выступает в роли статистов), но и имеют жизнеспособные и легитимные альтернативы. Например, в виде политических форматов достижения справедливости в восходящих обществах Азии¹⁶. Демократия, рынок, гражданские свободы, права и иные ценности одновременно являются процедурами, механизмами и критериями распределения ресурсов. И если в одном обществе статистически превалируют государственные, а в другом рыночные механизмы обеспечения доступа граждан к жизненно важным ресурсам, это не определяет политического и экономического характера социума. Речь лишь о пропорциях, сложившихся в конкретно-исторических обществах, которые сами по себе относительно и не могут служить универсальным эталоном эффективности.

Глобальная (хотя и неодновременная) реализация базовой утопии либерализма во всех обществах, а также возвышение незападных цивилизаций привели к необходимости рассматривать каждое общество как часть человечества, на которую распространяются те же закономерности, что и на все остальные его части. Рост связей регионов, повышение плотности, эффективности и значимых последствий глобальных коммуникаций для каждого общества постепенно нивелируют начальные технологические асимметрии, географические преимущества и общую цивилизационную логику иерархии отличий. Поэтому социальные науки со временем стали выявлять долгосрочные и транснациональные закономерности, отказываясь от статичного кода варварство – цивилизация в пользу более универсальной и релевантной идеально-типической модели традиционное – современное общество. Европейская/западная норма как привилегированный член подобной оппозиции со временем превратилась лишь в европейскую/западную специфику последующих трансформаций позднего или глобального Модерна, в который так или иначе включено всё человечество¹⁷.

¹⁶ Mahbubani K. The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East. N.Y.: Public Affairs, 2008. 314 p.

¹⁷ Мартьянов В.С. Политический модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // Полития. 2010. No. 3–4. С. 54–65.

Ослабление военного, технологического и экономического лидерства Запада происходит быстрее, чем пересмотр оснований и традиций западного культурного доминирования. Последнее связано с тем, что выход из смысловой системы иерархической номенклатуры взаимосвязанных понятий мейнстрима возможен только посредством взгляда на неё извне, а это предполагает выработку альтернативных ценностно-институциональных координат и консолидирующих нарративов.

По мере обострения открытой конкуренции нарастают возможности и соблазны незападных субъектов усилить собственную культурную аргументацию («мягкую силу») в глобальном Модерне и объявить версии современности своих соперников ограниченными. Например, описать нацию-государство как специфическую политическую форму Запада, которой могут противостоять восходящие центры силы, описываемые как отдельные незападные цивилизации (Китай, Индия, Россия, Иран, Турция и т.д.)¹⁸. Подобные дискурсы убедительно показывают культурные ограничения и ценностно-институциональные недостатки западной модели Модерна, а также свои оригинальные домодерные культурные традиции. Когда появляется потребность в описании собственной цивилизационной современности в качестве альтернативы западоцентризму, возникают понятийные и методологические затруднения. Но в условиях ослабления Запада глобальный Модерн представляет открытую площадку борьбы за идейное влияние, где разные центры силы, включая Россию, могут соревноваться за универсализацию своего видения Модерна/Современности. В ситуации открытости Модерна Россия имеет ряд исторических и культурных преимуществ.

РОССИЯ КАК ЗАПАД И НЕ-ЗАПАД

Под влиянием одних и тех же процессов центр и периферия капиталистической миросистемы всё чаще обнаруживают сходство социальных изменений. Страновые различия объясняются прежде всего исторической неодновременностью процессов урбанизации, секуляризации, индивидуализации, демократизации, индустриализации, автоматизации, роботизации и т.д. Периферийные общества

¹⁸ Спиридонова В.И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. No. 1. С. 29–41.

совершают бурный экономический подъём и движутся к демократии, а прежде образцовые западные рынки стагнируют, зрелые демократии усиливают протекционизм, пропитываются популистскими и националистическими настроениями, теряют наработанный ранее потенциал ценностно-институциональной универсальности¹⁹. Поднимающиеся незападные центры влияния обретают реальный суверенитет, технологическую и ресурсную автономию. Однако Запад и Модерн переплелись в аксиоматический идеологический конструкт в ядре социальных наук. Соответственно, описание пост-западного глобального мира неизбежно выливается в критический пересмотр универсальных критериев Модерна, который невероятно трудно отделить от истории и культуры Запада.

У России и Запада единая история и цивилизационные корни, если исходить из версий христианства и концепции Третьего Рима, где мы продолжаем Византию, когда Рим погиб. Это не означает, что Россия или Запад непременно лучше или хуже. Но значит, что Россия изначально позиционировала себя как страна, не обязательно следующая в фарватере западноевропейской цивилизации. Своё происхождение мы напрямую ведём от Восточной Римской (Византийской) империи, которая передала своё историческое наследие Третьему Риму, в то время как родственный ей Западный Рим потерпел политическое и цивилизационное крушение. И сегодня мы имеем право уклониться от общего с Европой/Западом фарватера, если считаем, что он ведёт к крушению. Свободный выбор состоит в том, чтобы вовремя выйти из чужой колеи. Хотя последнее не гарантирует беспроblemного существования, не требующего борьбы, поскольку факторы, разрушительно действующие на условные Восточный и Западный Рим, во многом общие и никуда не исчезают. Но если гибельный фарватер вовремя покинуть, их можно переломить.

Происходит долгосрочное ослабление западных стран относительно альтернативных быстрорастущих центров силы – военных, демографических, технологических. Набирают мощь важные изменения и процессы, ведущие к системной трансформации всех современных обществ, их ценностных основ, институтов и нормативного (мейнстримного) языка самоописания в социальных науках. Не менее значимый момент – трансформация сложного общества

¹⁹ Фишман Л.Г. Бумеранг возвращается? // Свободная мысль. 2018. No. 1. С. 15–23.

Модерна, охватывающая социальную структуру и ценностно-институциональное ядро всех современных обществ, как западных, так и незападных. Критически переосмыслиется нормативный идеал прогресса в фундаменте Модерна: «“большой нарратив” политического прогресса во многих аспектах был заменён “малыми нарративами” о (частном) успехе и (частной) хорошей жизни»²⁰. Кризис идеи всеобщего прогресса снижает привилегированную ценность будущего, несовершенным черновиком которого является настоящее и которому оно должно быть подчинено. На передний план выступает ценность повседневности, существующей здесь и сейчас.

Когда Запад объективно и системно теряет глобальное влияние, исключенность, дистанцирование и снижение общей зависимости России от Запада из изъянов превращаются в преимущества, которые могут быть использованы в будущем. Ввиду относительно слабой развитости капитализма народы, входившие в Российскую империю, меньше подвергались колониальной эксплуатации. Из этого вытекало и несколько иное отношение к инородцам, равно как и другое отношение к политическим и культурным элитам других народов, представители которых включались в элиту империи наравне с русскими. Так формировался менее прогрессорский, более щадящий подход к другим народам. Отсталое российское имперское подданство оказывалось гуманней и эгалитарней более продвинутого европейского национализма с изрядной долей расистского колониализма. В советский период добавился интернационализм официальной коммунистической идеологии.

Национализм и ксенофобия отсутствовали у русского народа даже в период господства самых деспотических правителей: «Деспотический гнёт, согласно диалектике жизни, и объединял в “братстве по несчастью” русских и нерусских простолюдинов, и не позволял развиваться национализму, который на Западе стал результатом утверждения капитализма и буржуазных свобод. Отсутствие политического национализма, из-за которого пролито столько крови в Новое и Новейшее время, это тоже одна из положительных сторон докапиталистического общества, которая в обществе социализма, в качестве отрицания отрицания, должна

²⁰ Reckwitz A. The Society of the Singularities. Cambridge, MA: Polity, 2020. P. 311.

выразиться в виде господства интернационализма»²¹. Ряд исследований подтверждает парадоксальный способ исторического существования России как антиимперии, в которой ресурсы центра или метрополии и в Российской империи, и в СССР перераспределялись в пользу развития окраин и этнических меньшинств²².

Из объективного положения России как не совсем западной (или альтернативно-западной) страны вытекала невозможность полного восприятия западных подходов. В силу двойственности положения («слабое звено в цепи империализма») в российском обществе сформировалась большая чувствительность к двойным стандартам, вытекавшим из противоречия между лозунгами Просвещения и Модерна и практиками их осуществления. Это, в частности, объясняет симпатии немалой части русского общества к леворадикальным направлениям западной политической мысли – социализму, анархизму, коммунизму. Зато отвергалась претензия просветительско-модерновой линии социального прогресса на безусловное моральное преимущество. Русская мысль XIX века, начиная от славянофилов, заканчивая народниками и большевиками, поднимает на щит проблематику морального преимущества отсталости, которая на Западе являлась периферийной.

Не меньшее значение имело иное восприятие одних и тех же научных парадигм, например, отрицание социал-дарвинизма в пользу теорий кооперации. Пётр Кропоткин опровергал претензии дарвинистской теории на то, что главным и единственным фактором эволюции является борьба за существование. Не отрицая наличия последней, главным фактором эволюции и вообще сохранения и видов в животном мире, и человеческих сообществ он считал «закон солидарности»²³. Когда на Западе накапливается разочарование в мейнстриме Модерна и звучит его критика, в России происходят сходные процессы. Однако российский цивилизационизм не совпадает с западным. Хронологически его положения сформулированы

²¹ Вахитов Р.Р. Левый консерватизм марксиста М.А. Лифшица (Очерки консервативной мысли в СССР) // Ортодоксия. 2022. No. 4. С. 123.

²² См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013. 448 с.; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.

²³ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. 256 с.

Николаем Данилевским и Константином Леонтьевым ощутимо раньше, и исходили они из отрицания единого потока западоцентричной истории – чтобы не умереть вместе с Западом. Российский цивилизационизм изначально есть критика западоцентризма. Его глубинный пафос – отсоединиться от гибнущей западной цивилизации, утратившей цветущую сложность и вставшей на путь вторичного упрощения, чтоб не пропасть вместе с ней: «Нам, русским, надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества»²⁴.

В российском цивилизационизме, если он не эпигонский, отсутствует зерно смерти, которое есть в западном. Западный цивилизационизм закономерным образом вытекает из пессимистической евроцентристской эсхатологии, сводящейся к победе Запада над Востоком или Севера над Югом в историческом масштабе. В таком ракурсе закат Европы означает и закат всего человечества, поскольку остальные культуры поглощены Западом, и у человечества нет будущего.

В этом смысле советский коммунистический период может быть описан как рывок из гибельной колеи, в конце которой и России, и прочему человечеству предназначено умереть вместе с Западом. В русле советского марксизма западный капитализм того периода осмысливается как империалистический, а значит, вступивший на путь разложения и упадка. Об этом свидетельствуют сотрясающие его экономические, политические и военные кризисы, а также признаки нравственного и морального разложения правящих элит, соответствующие им явления в искусстве и т.д. Идеологизированная марксистская критика отчасти накладывается на традиционные русские представления о Западе как об обществах небезупречных в моральном отношении и на зародившиеся на Западе же концепции «Заката Европы». Россия, в отличие от дряхлеющей Европы, отождествляется с молодостью и пассионарностью, солидаризируется с народами, имеющими древнюю культурно-цивилизационную традицию, помогает им освободиться от колониального гнёта и научно-технической отсталости.

²⁴ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и славянство. Т. 1. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1885. С. 310.

РОССИЙСКАЯ ВЕРСИЯ МОДЕРНА В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Деятельность России в советский период по культурному и материальному уравниванию незападных и западных народов способствовала углублению кризиса онтологии Модерна и его политического нарратива. Ответом стал западный нарратив модернизации, который в итоге вёл к той же цели. СССР не позволил Второй мировой превратиться в ещё одну империалистическую войну с переделом сфер влияния. Когда победителем оказался не один Запад, стало ясно, что прогресс не равнозначен вестернизации, «исторические тенденции абсолютно двусмысленны и потому не могут служить стандартом, или, иными словами, что примкнуть к победителям, вскочив в уходящий поезд будущего, не более разумно, нежели сопротивляться этим тенденциям»²⁵. Советский Союз дал перспективу лучшего, более справедливого мира, в котором у незападных стран и народов оказался более широкий выбор (в том числе и в идеологическом смысле), чем просто стать вассалами одного из государств Запада, провозгласившего себя победителем.

Именно наличие такого выбора соответствовало глубинной сути Модерна в большей степени, чем простое подражание сильному и развитому, как прежде. В конечном счёте Россия способствовала тому, чтобы Модерн отсоединился от Запада, а Запад утратил монополию на Модерн в глобальном масштабе. Жертвы, принесённые ею в XIX–XX веках в борьбе с Наполеоном и Гитлером, а также в период холодной войны, объективно приносились для того, чтобы в мире сохранялось пространство выбора. Россия, вне зависимости от преобладающей в ней идеологии и политического режима, исторически способствовала сохранению и расширению этого пространства. Политика её оппонентов и противников нередко вела к его сокращению.

Сейчас Запад вновь вступил на дорогу, которая, с нашей точки зрения, ведёт к гибели. Но мы не так крепко с ним связаны, чтобы разделить его судьбу. Россию всегда корили отсталостью и провинциальностью в отношении Европы и Запада, а наша роль, дескать, в том, чтобы учиться, перенимать образцы и некри-

²⁵ Штраус Л. Прогресс или возврат? Современный кризис западной цивилизации / Л. Штраус // Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 277–278.

тично копировать, как Пётр I. Когда Запад исторически возвышался и осуществлял экспансию в течение нескольких столетий, это выглядело убедительно. Однако глобальная экономическая, демографическая, технологическая и политическая онтология начали меняться. Это неизбежно ведёт к переосмыслению западоцентричных понятий, в которых описывалась мировая история, политика, экономика и т.д. Западоцентричный взгляд на перспективы человечества из универсального становится особым, одним из возможных. То, что было отсталостью и недостатками России по сравнению с Западом, в случае его начинающегося заката может стать преимуществом.

История мировой науки, сведённая исключительно к истории науки западной, уже в период холодной войны достигла идеологического апогея. В ней Россия и вообще любой не-Запад занимают ущемлённое положение в качестве дискриминируемых полюсов таких понятийных дихотомий, как общества не-демократичные, не-рыночные, не-свободные, не-справедливые, не-либеральные, не-современные и т.д. Но морально и идеологически Россия никогда не претендовала на олицетворение западных идеалов и норм. Наоборот, мы можем взять лучшее из европейского наследия, отказавшись от специфического сплава прогрессорской миссии и имперской экспансии, которые в конечном счёте дискредитировали Запад и подорвали его власть. На парадигмальном уровне это означает критическое осмысление ряда базовых понятийных дихотомий, составляющих политический нарратив Модерна. В сущности, из них вытекает и западный цивилизационизм, и прогрессизм, и колониализм, и «конец истории».

Если у России свой особый путь, то он заключается в оставлении универсального права на отделение от тех вариантов глобальной цивилизации, которые по разным причинам теряют привлекательность, но всё ещё сохраняют силу для принуждения несогласных. Отделение означает не автаркию и самоизоляцию, а отказ от пути, который выглядит гибельным и саморазрушительным. Такая особенность может стать привлекательной, если не описывать её путём переворачивания бинарных оппозиций, а адресовать человечеству как достойный и доступный вариант социально-политического, экономического, культурного устройства.

Исчерпание объяснительного потенциала понятий и нарративов западного социально-политического мейнстрима обуславливает продуктивность поиска альтернатив, которые могут вырабатываться в том числе и в России. Ключевой вопрос связан с субъектностью российских элит и общества в целом как потенциальных обновителей глобальной утопии Модерна, которая более не тождественна Западу и ориентируется на интересы мирового большинства. Важный аспект укрепления автономии и суверенитета России как субъекта новой утопии в том, что постсоветская номенклатура неохотно рвёт с Западом, пытаясь обрести российскую субъектность, поскольку «до сих пор Запад был ей нужен как основной внешний источник идеологических канонов и разного рода эталонных практик»²⁶. Это препятствует формированию способности к критике западного мейнстрима социальных наук, связанного с поддержанием сложившихся глобальных иерархий и идеологическими моделями естественного и саморегулируемого равновесия. Таковы доминирующие теории, которые оправдывают невмешательство науки и субъектов социальных перемен, реформ, экспериментов в управление социальными процессами через апелляцию к принципу самонастройки государства, рынка, культуры и т.д.

Стратегические интересы России, связанные с изменением западоцентричного порядка, предполагают неизбежность критики и пересмотра ключевых понятий и тезисов западного мейнстрима социальных наук. Он неотделим от интеллектуального и идеологического подавления незападных альтернатив и субъектов на мировой шахматной доске.

О ПОЛЬЗЕ ОТСТРАНЁННОСТИ

Ценностно-институциональное ядро всех современных социально-политических порядков имеет гораздо больше общего, чем может показаться на уровне бинарных аксиом, вроде свобода/несвобода, демократия/авторитаризм и т.д. Российское общество как автономный, сложный и внутренне противоречивый объект изучения, безусловно, известно российским обществоведам лучше всех остальных. Однако российские социальные науки, являясь частью науки

²⁶ Фишман Л.Г. Обойдёмся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. No. 2. С. 58.

мировой, осведомлены и об исторических достижениях Запада, их факторах и цене. Из этого не следует ложной дилеммы конфликтного или ассимиляционного, зависимого или отрицающего Запад сценария дальнейшего существования России. Творческое осмысление не сводится к реакционным конструкциям и критике от противного или транзитологическим заимствованиям идей, понятий и институтов. Оба случая оставляют западоцентричную систему координат.

На фоне заката западного могущества отстранённое положение современной России от Европы и Запада имеет преимущества. Привычная роль связующего звена между Европой и Азией, Западом и Востоком, Севером и Югом позволяет вырабатывать многомерные и выверенные концепции и решения, которые не только связаны с исключительными интересами российского общества, но могут быть востребованы во всём мире. Россия напрасно и без уважительных поводов отказывается от борьбы за право европейского и западного первородства, по крайней мере, на уровне официальной риторики, которая на словах отдаёт предпочтение «традиции» в ущерб современности. Все исторические успехи России связаны как раз с моментами военно-политического и экономического лидерства в европейском и западном мире, когда состав гегемонов там претерпевал изменения. И без всей этой истории, культуры и идентичности современной России остаётся лишь поверхностная риторика различий, наивных обид, евразийщины и азиопщины. Россия таким образом культурно и идеологически обнуляет сама себя, представая в качестве удобного объекта критики как варварский противник, препятствующий масштабированию общеевропейской цивилизации. Наоборот, нарратив российского Модерна поверх властвующих европейских элит может быть обращён напрямую к европейцам и иметь немало сторонников. Мы вправе настаивать, что усилия России по сохранению всемирного пространства свободы, права на выбор и возможности ухода с гибельного пути имеют не меньшее значение для сохранения духа Модерна, чем усилия, предпринятые нашими оппонентами в прошлом, и большие, нежели те, которые они предпринимают сегодня.

Происходит необратимое обновление состава гегемонов мира – уже не евро- и западоцентричного, но в подлинном смысле глобаль-

ного, где число субъектов радикально возросло. Уходящие гегемоны Запада экстраполируют опыт прежнего империалистического внутреннего противоборства на новых субъектов и пытаются не допустить их укрепления. В идеологической области экстраполяция подразумевает приписывание незападным претендентам на лидерство грехов прежних, западных – национализма, фашизма, военного экспансионизма и ревизионизма. Такая экстраполяция оправдана лишь в той мере, в которой новые претенденты на гегемонию следуют путями старых и берут их в качестве образца. Однако последнее и необязательно, и невозможно, хотя иногда выглядит соблазнительно, особенно в сфере идеологии, если она конструируется по подражательному принципу экономии усилий. Это, в свою очередь, даёт коллективному Западу повод укрепиться в своих подозрениях.

Тем не менее трансформация мирового порядка создаёт запрос на синтезы в области социального знания, идеологии, морали и технологий, альтернативные американскому мейнстриму. Они дают новые основания для взаимодействия между обществами, которым может быть интересна Россия, если она предстаёт не полупериферией Запада, а релевантной и привлекательной моделью постзападного или альтернативного современного общества в изменившихся условиях. Россия в глазах внешнего мира разделяет великие достижения Запада, но не была колониальной державой, в период СССР способствовала освобождению колоний и развитию «третьего мира», не несёт ответственности за двойные стандарты и несправедливую капиталистическую миросистему.

Выработка новых теоретико-методологических и идеологических синтезов – долгий путь, связанный с описанием социальной онтологии российского общества как воплощения достойного варианта развития. Придётся преодолеть издержки заёмных транзитологических теорий и шаблоны ранее сложившихся мифов о себе. Этот путь начинается с отказа от негативных, деморализующих и принижающих классификаций и оценок, которые накладываются колонизаторами на колонизируемых. Деколонизация мышления означает, что наше общество возвращает себе пространство утопии, автономии, ценности традиции, которые могут в сравнительном измерении претендовать не только на независимость от внешних субъектов, но и на универсальность для других обществ.